

24 XII 1936 г. (подпись) 6/СУ
Заявление Я. Брамова

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР - 43

Получено 24 XII 1936 г.

М. № 8353

тов. Е. Ж. О. В. У. 265

Предыдущие мои показания в процессе допросов о нашей преступной контр-революционной деятельности носили отрывочный и неполный характер. Тяжело сразу вытянуть из себя всю грязь.

Продумав весь путь моей и моих соучастников борьбы против партии и советского государства, я решил, что надо наконец, как можно полнее, рассказать всю правду о нашей предательской работе, которую иначе, как изменой родине назвать нельзя. Я был одним из руководителей той подлой и мерзкой работы, которая в последние 4-5 лет особенно активно велась против партии и рабочего класса.

У меня теперь одно желание, как можно полнее рассказать все, что я знаю.

Поэтому прошу разрешить мне вернуться в этом заявлении к некоторым существенным моментам нашей контр-революционной деятельности, которые были мною уже затронуты ранее, и рассказать о них более систематически и обстоятельно.

1. Восстановление связей с ТРОЦКИМ и возобновление
моей преступной работы.

Моя активная троцкистская работа возобновилась в 1931 г.

Я уже показывал о своих настроениях до 1931 года и возвращаться к этому не буду.

В 1931 году я по делам службы попал в Берлин. Тогда же в Берлин приехал, тоже по делам, И. Н. СМЕРНОВ. Летом в Берлине СМЕРНОВ И. Н. зашел ко мне в комнату и рассказал мне, что он имел встречу с сыном ТРОЦКОГО - Л. СЕДОВЫМ и что СЕДОВ ему передал ряд очень серьезных директив ТРОЦКОГО.

СМИРНОВ весьма кратко сообщил мне о "новых установках ТРОЦКОГО", как он выразился, и, в частности, сказал мне, что ТРОЦКИЙ считает, что главной задачей является свержение СТАЛИНА и его ближайших помощников любыми средствами, а также активное противодействие всем практическим начинаниям правительства, в особенности в области хозяйства.

ТРОЦКИЙ считает совершенно неотложным делом воссоздание на этой основе троцкистско-виновьевской организации в СССР и об"единение в той или иной форме всех сил, могущих помочь свалить "сталинский режим".

И. Н. СМОРНОВ тогда же бросил фразу, смысл которой мне стал ясен только значительно позднее: "Лев Давыдович считает, что одной из коренных причин предыдущего поражения являлось то, что мы в своей борьбе замыкались в рамках одного государства и не искали помощи извне.

Возобновляющаяся борьба неизбежно поставит международные вопросы и мы будем решать эти вопросы так, как это выгодно нам".

Затем СМОРНОВ передал мне, что СЕДОВ имеет поручение ТРОЦКОГО встретиться и поговорить со мной, и что, если я ничего не имею против, он нас обоих сведет. Сам СМОРНОВ настоятельно рекомендовал мне встретиться с СЕДОВЫМ.

Я согласился. СМОРНОВ сказал, что СЕДОВ предварительно свяжется со мной по телефону. Вскоре СЕДОВ мне действительно позвонил. Телефонный разговор был весьма краток - мы условились о месте встречи. В этот же день я пошел в "Кафе ам Цоо"/где мы условились встретиться/ и там застал СЕДОВА, которого я очень хорошо знал раньше.

СЕДОВ мне сказал сразу-же, что говорит со мной не от свое-

го имени, а от имени своего отца Л. Д. ТРОЦКОГО. ТРОЦКИЙ, узнав, что я нахожусь в Берлине, дал ему строжайшее задание во что бы то ни стало встретиться со мной и передать его, ТРОЦКОГО, указания.

СЕДОВ приступил к изложению того, что ему было поручено мне сказать. Я не могу, понятно, передать это изложение стенографически, но сущность передаю точно.

"Борьба со СТАЛИНЫМ возобновляется с новой силой. Надо понять, что ТРОЦКИЙ ни на минуту не отказывался от борьбы. Сейчас она будет продолжаться в новых условиях. Временное затишье было неизбежно. Оно было вызвано географическим передвижением ТРОЦКОГО. Теперь период затишья закончился. Связи восстанавливаются. Внутри страны складывается новый центр, с которым он, ТРОЦКИЙ, уже связался. Намечается блок с зиновьевцами".

"ТРОЦКИЙ считает совершенно необходимым создание об"единенной организации, несмотря на его опасения относительно ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА, которые несомненно попытаются занять главенствующую роль в этом блоке. Эта опасность, конечно не исключается, если сторонники ТРОЦКОГО будут занимать созерцательную позицию вместо активной работы, которую требует складывающаяся обстановка".

"ТРОЦКИЙ знает, что и правые - БУХАРИН, ТОМСКИЙ и РЫКОВ не сложили оружие, а только притихли. У них есть кадры, есть связи, есть целые группы, подчас очень боевые. Не беда, что у нас только недавно были острые разногласия. Эти разногласия ничто по сравнению с нашей общей антисталинской установкой. Ведь были же накануне блока с ЗИНОВЬЕВЫМ-КАМЕНЕВЫМ у нас острейшие схватки с теми же "ленинградцами", с которыми на-завтра мы

или рука об руку против Сталина".

"Настолько ему, ТРОЦКОМУ, известно, существуют и другие элементы, недовольные сталинским режимом. Надо и их подтянуть. Надо понять, что начинается острейшая борьба, не дискуссия и не обсуждение принципиальных вопросов, а борьба за власть. Поэтому должны быть прямо или косвенно мобилизованы все те силы, которые могут содействовать решению основной и коренной задачи дня - задачи во что бы то ни стало и какой угодно ценой свалить СТАЛИНА".

"Надо отбросить старые предрассудки. Установка сегодняшнего дня: "Все что против СТАЛИНА - за нас - и должно быть мобилизовано".

ТРОЦКИЙ требует и уверен, что я, ПЯТАКОВ, не уклонюсь от активного участия в этой борьбе.

- "Он знает ваше свойство зарыться в текущие практические дела. Это недопустимо теперь безусловно. Надо прекратить эту нетерпимую пассивность. - Вы понимаете, что это не я требую, а требует Лев Давидович".

Я ответил, что требование ТРОЦКОГО я понимаю и готов принять его директиву к исполнению.

СЕДОВ выразил большую радость и с пафосом заявил:

"Лев Давидович всегда был уверен в вас. Он ни на секунду не сомневается, что если мы будем действовать решительно и не смущаться необычностью методов борьбы, то успех неминуем".

Далее СЕДОВ перешел к изложению, как он выразился, "новых методов борьбы".

ТРОЦКИЙ исключает возможность на данном этапе какого-либо

массового антисталинского движения. СТАЛИНУ удалось преодолеть трудности и надо прямо признать, что время нами упущено.

"Если мы и сейчас будем медлить, мы окончательно растеряем все свои кадры, а это смерти подобно.

Поэтому сейчас во главу угла должно быть положено:

1/ террористическая борьба строго законспирированных групп против основных руководителей партии и правительства, 2/ противодействие всей практической работе партии и правительства и 3/ всяческое дискредитирование начинаний Сталина, особенно на хозяйственном фронте.

В этом отношении надо резко отбросить всякого рода пред-
рассудки. Одновременно крайне необходимо, как можно шире, завязать связи в армии.

СЕДОВ, точно также как и СМИРНОВ, упомянул далее кратко об одном коренном положении ТРОЦКОГО.

"Мы не можем", передавал СЕДОВ взгляды ТРОЦКОГО", рассматривать свою борьбу изолированно. Наша борьба в одной стране такая же бессмыслица, как и затея СТАЛИНА построить социализм в одной стране, поэтому от вопросов межгосударственных отношений и взаимоотношений с капиталистическими государствами мы отрещиваться не можем.

Бояться этих вопросов - это значит выдать самим себе свидетельство о бедности".

Более подробно этого вопроса СЕДОВ тогда не касался. Возможно, что ТРОЦКИЙ дал специальное указание СЕДОВУ об этом только упомянуть, но не особенно распространяться.

Я поручил СЕДОВУ передать ТРОЦКОМУ мою просьбу конкретизировать директивы о "противодействии практической работе" и "дискредитировании всех начинаний СТАЛИНА". Я передал СЕДОВУ

ВУ, что в Берлине находится несколько троцкистов и что СЕДОВ, в случае моего отъезда, может мне необходимые разъяснения ТРОЦКОГО передать через одного из них. Я назвал фамилии /кроме СМИРНОВА И. Н./ ЛОГИНОВА, ШЕСТОВА, БИТКЕРА, МОСКАЛЕВА.

Мы условились больше не встречаться, так как встреча со мною - предприятие очень рискованное. СЕДОВ с этим согласился.

На этом мой первый разговор с СЕДОВЫМ закончился.

О встрече с СЕДОВЫМ и о полученных мною директивах ТРОЦКОГО я одновременно передал находившимся тогда в Берлине троцкистам: ЛОГИНОВУ, ШЕСТОВУ, МОСКАЛЕВУ и БИТКЕРУ. Отдельно, как я уже показывал, я имел обстоятельный разговор по этому вопросу со СМИРНОВЫМ.

С ним мы тогда уговорились, что он по приезде в Москву проведет официально через троцкистский центр все эти директивы ТРОЦКОГО.

А относительно меня тогда же СМИРНОВ высказался в том смысле, что вовлекать меня в создаваемый центр, который будет представлять собою троцкистско-зиновьевский блок, - не стоит.

"Надо же иметь резервы", сказал СМИРНОВ. "Вы свои связи восстанавливайте и берегите их. Пригодятся. Позже - увидим, что с ними сделаем".

В это время вопрос о "запасном" и "параллельном" центре еще не вставал и идея о нем лишь туманно начала вырисовываться.

Мои переговоры с БИТКЕРОМ, ЛОГИНОВЫМ и ШЕСТОВЫМ я хочу изложить здесь полнее:

1. БИТКЕРУ я все подробно рассказал.

БИТКЕРА мне нужно было закрепить за собою, т.к. он в прошлом был лицом весьма приближенным к ТРОЦКОМУ, был тесно связан со мною лично и в дальнейшем несомненно мог сыграть крупную роль в троцкистской организации.

БИТКЕР с установками ТРОЦКОГО полностью согласился, а о практическом выполнении директив ТРОЦКОГО мы условились с ним договориться в Москве;

2. С ЛОГИНОВЫМ, которого я знал давно и очень хорошо, помимо изложения установок ТРОЦКОГО /причем о "международных" делах я не упоминал/, я договаривался о конкретных шагах по воссозданию троцкистской организации на Украине. Мы прежде всего наметили центр, в составе: его, ЛОГИНОВА, Н. ГОЛУБЕНКО, Я. ЛИФШИЦА и Ю. КОЦЮБИНСКОГО. Затем наметили пути воссоздания организации. Мы условились, что в основу будут положены установки ТРОЦКОГО, что об этих установках ЛОГИНОВ расскажет ГОЛУБЕНКО, ЛИФШИЦУ и КОЦЮБИНСКОМУ, что они начнут оформлять связи, но что об установках ТРОЦКОГО нет нужды рассказывать всем. Надо людей проверять длительно и только после этого, будучи полностью уверенным, что никаких неожиданностей не будет, знакомить соответствующих троцкистов с подлинными взглядами ТРОЦКОГО;

3. ШЕСТОВУ, которого я лично не знал, но слышал, что он человек надежный, я рассказал об установках ТРОЦКОГО, хотя мне было известно, что до этого он уже знал все от СМИРНОВА И.Н.

ШЕСТОВУ мною было поручено восстановление организации в Кузбассе. Я обратил внимание ШЕСТОВА на то, что там находится вернейший человек ТРОЦКОГО - Н.И. МУРАЛОВ, что где-то находится также Владимир КОССИОР и что надо, с соблюдением необходимой осторожности, посмотреть кто из троцкистов в Сибири мо-

жет быть привлечен в организацию. ШЕСТОВУ я говорил, что основной упор его работы в Кузбассе - это вредительство и что к этому делу ему нужно будет привлечь не только троцкистов, но и антисоветски настроенных лиц из инженерно-технического персонала.

Далее я сказал ШЕСТОВУ, что возможно к нему обратится СЕДОВ с поручением передать что-либо мне, чтобы он в этом случае все это незамедлительно мне передал.

ШЕСТОВ обещал все исполнить.

В том же в 1931 году, недели через 3 после первой встречи с СЕДОВЫМ, И. Н. СМИРНОВ передал мне, что СЕДОВ, несмотря на то, что мы условились больше не встречаться, настоятельно просил встретиться с ним еще раз и, что он, СЕДОВ, будет меня ждать завтра на том же месте и в то же время.

Я пошел на следующий день в то же кафе. На этот раз разговор был кратким. СЕДОВ сразу поставил вопрос о деньгах. Сперва он сказал: "Вы сами понимаете, Юрий Леонидович, для работы нужны деньги. Можете ли вы достать деньги?" Я ответил, что таких возможностей у меня сейчас нет. Тогда СЕДОВ сказал, что такие возможности имеются у него, но что без моей помощи ему это трудно сделать. Он попросил меня передать побольше заказов фирмам "Демаг" и "Борзиг" и не придирайтесь к ценам; при этих условиях он с фирмами сам сладит. "Очевидно придется переплатить, но деньги пойдут на нашу работу, так как мы с представителями этих фирм имеем кое-какую договоренность". Я так и сделал

Как СЕДОВ проводил эти операции с фирмами мне неизвестно.

В заключение СЕДОВ сообщил мне, что о нашем первом разговоре он ТРОЦКОМУ передал, при чем при передаче обратил внима-

ние ТРОЦКОГО на мои колебания по вопросу о вредительстве. "Я жду письма от отца. Если получу его до вашего отъезда, немедленно передам его вам лично или, если это вам удобнее, через кого-либо из тех троцкистов, которых вы мне раньше называли".

Я просил СЕДОВА, если будет ответ от Льва Давидовича передать его мне через ШЕСТОВА.

Как будто это все о моих встречах в Берлине в 1931 году. Осенью 1931г. я закончил служебные дела в Берлине и выехал в Москву.

После возвращения моего в Союз, кажется в ноябре 1931г., ко мне в ВСНХ зашел ШЕСТОВ. Он возвращался из Берлина в Кузбасс и имел письмо от СЕДОВА ко мне. Как он привез это письмо - я его не спрашивал. Письмо было в запечатанном конверте и на конверте стояли только мои инициалы: "Ю.Л."

ШЕСТОВ передал письмо и сказал, что виделся с СЕДОВЫМ и едет в Кузбасс. Распечатав письмо я крайне удивился: я ожидал записки от СЕДОВА, а оказалось письмо от самого ТРОЦКОГО. Письмо было написано по немецки и помечено "Л.Т." Почерк ТРОЦКОГО я знаю хорошо и даже без этой пометки узнал бы, что писал лично он. Письмо было не зашифрованное /у меня с ТРОЦКИМ шифра не было/.

В этом письме ТРОЦКИЙ выражал свое удовольствие, что я "внял его настояниям" Dass Sie meinen Forderungen nach . . . gefolgt haben и формулировал свою позицию.

ТРОЦКИЙ писал:

1. Центральной задачей является не воссоздание организа-

ции ради организации, а воссоздание ее ради ликвидации СТАЛИ-
НА и его ближайших сторонников / в письме было сказано:

S. und Konzerten mit allen Mitteln auss dem Weg räumen...../;

2. Недопустимо положительное сотрудничество с режимом. Необходимо, не останавливаясь ни перед чем, бороться с режимом, всячески дискредитировать мероприятия, проводимые СТАЛИНЫМ, а значит и срывать проводимые им мероприятия /в первую очередь по хозяйственной линии/;

3. Безусловно нужно крепить блок с зиновьевцами, которыми его, ТРОЦКОГО, установки полностью разделяются. Установить контакт с правыми, нащупывать и об"единять все антисталинские элементы, как внутри партии, так и вне ее;

4. Надо учитывать надвигающуюся войну и занять в отношении войны безусловно пораженческую позицию, а путем предварительных переговоров с правительствами капиталистических держав /используя и их противоречия/ обеспечить себе благоприятное отношение на случай нашего прихода к власти в результате войны.

Об этих директивах ТРОЦКОГО я одновременно сообщил ЛОГИНОВУ, КОЦОВИНСКОМУ, ГОЛУБЕНКО, ДРОБНИСУ, НОРКИНУ, РАТАЙЧАКУ, ЮЛИНУ, БИТКЕРУ, БОГУСЛАВСКОМУ.

Об этом я отдельно расскажу.

В середине 1932 года я снова был в Берлине. На этот раз СЕДОВ, узнав через фирму "Демаг", что я нахожусь в Берлине, обратился ко мне сам, по собственной инициативе и попросил свидания, мотивируя, что это очень нужно. Мы условились по телефону встретиться "на том же месте" - т.е. в "Кафе Ам-Цоо".

СЕДОВ спросил меня получил-ли я письмо ТРОЦКОГО через

ШЕСТОВА. Я ответил, что получил, но что письмо это меня не удовлетворило, хотя ТРОЦКИЙ поставил вопросы весьма конкретно, но о перспективах, о целях, он ничего существенного не сказал. Я просил передать об этом ТРОЦКОМУ и сказать, что его сторонники в Союзе настоятельно требуют ответа на вопрос о перспективах и целях борьбы. Это особенно важно в связи с необычностью тех средств борьбы, которые ТРОЦКИЙ пускает в ход.

СЕДОВ обещал передать об этом ТРОЦКОМУ и, со своей стороны, просил дать ему информацию о положении троцкистской организации в СССР.

Я рассказал, что директивы ТРОЦКОГО приняты к исполнению, что в Москве ведутся переговоры о создании троцкистско-зиновьевского об"единенного центра и формируются террористические группы.

"Об этом, - сказал СЕДОВ, - я знаю. Сведения о работе в Москве я получаю регулярно. Необходимо знать, что делается в других центрах Союза".

Я сказал, что детальными сведениями о работе троцкистского центра /СМИРНОВ-МРАЧКОВСКИЙ/ вне Москвы я не располагаю, но что, во исполнение указаний ТРОЦКОГО, мы сформировали на Украине центр троцкистской организации, который связан лично со мной. Этот центр имеет уже периферийные группы и приступил к подготовке террористических актов. Я сообщил также, что начата работа по созданию Западно-Сибирского центра, где активную работу ведет МУРАЛОВ, и что там же ведут работу БОГУСЛАВСКИЙ и ШЕСТОВ. Я предполагаю, однако, усилить этот центр и имею в виду перевести туда, под тем или иным предлогом, ДРОБНИСА, которого ТРОЦКИЙ знает очень хорошо, и который является очень энергичным непримиримым троцкистом.

СЕДОВ передал, что ТРОЦКИЙ выражает крайнюю степень не-удовлетворения по поводу того, что работа идет вяло и не раз-ворачивается нужными темпами. "Мы теряем время. А это крайне вредно. Надо форсировать развертывание работы, в особенности надо форсировать подготовку террористических актов и дейст-вительно развернуть вредительские мероприятия, не останавли-ваясь перед диверсионными актами". "Вы, ведь, знаете хорошо Льва Давидовича, - сказал СЕДОВ, - он горит нетерпением и все время требует активизации, в особенности в направлении терро-ра".

Кроме того, в этом же разговоре я поднял вопрос об одной статье ТРОЦКОГО, о чем я показывал 13/ХП-с.г.

Формирование контр-революционного троцкистского
"запасного" центра.

В конце 1932 года, уже после моей последней встречи с СЕДО-ВЫМ, у меня произошел разговор с КАМЕНЕВЫМ.

КАМЕНЕВ, по своей инициативе, пришел ко мне в Наркомат, вос-пользовавшись каким-то деловым предложением.

Я понял, что этот приход КАМЕНЕВА - есть установление свя-зи со мною, по директиве ТРОЦКОГО, хотя КАМЕНЕВ не упоминал об этом и не ссылался при этом на И. Н. СМЕРНОВА. Но из характера разговора было ясно, что КАМЕНЕВ обо всем знает.

КАМЕНЕВ сообщил мне, что центр сформировался и в его со-став входят: он, КАМЕНЕВ, ЗИНОВЬЕВ, МРАЧКОВСКИЙ и И. Н. СМЕРНОВ. Ди-рективы ТРОЦКОГО о терроре и вредительстве легли в основу создания блока.

Центр решил не вводить в свой состав меня, СОКОЛЬНИКОВА, РАДЕКА и СЕРЕБРЯКОВА; этот вопрос обсуждался и решено нас держать " в запасе".

На случай провала центра мы обязаны повести дело дальше. Он сказал, что с СОКОЛЬНИКОВЫМ, РАДЕКОМ и СЕРЕБРЯКОВЫМ вопрос уже обсужден и решен положительно.

КАМЕНЕВ далее сказал мне, что у центра установилась связь с правыми /БУХАРИН, РЫКОВ, ТОМСКИЙ/. "Хорошо бы - сказал КАМЕНЕВ, если бы и вы сейчас поддерживали необходимую связь с БУХАРИНЫМ, с которым у вас хорошие отношения".

Желая выяснить насколько КАМЕНЕВ приемлет директивы ТРОЦКОГО, я задал тут КАМЕНЕВУ вопрос: "как центр представляет себе связь с правыми; ведь только недавно у нас с ними были острейшие разногласия".

КАМЕНЕВ ответил мне: "Ю. Л. когда вы, наконец, выйдете из школьного возраста и станете политиком? Вчерашние разногласия не могут быть препятствием для соглашения сегодня, если сегодня есть общая цель. А эта общая цель:

1. Свержение СТАЛИНА и ликвидация сталинского режима;

2. отказ от построения социализма в одной стране и, следовательно, соответствующее изменение экономической политики.

На этих двух пунктах мы с правыми очень легко договорились".

На мой вопрос, что значит изменение экономической политики, КАМЕНЕВ, со свойственным ему апломбом, ответил: "Ну, знаете, конкретизировать будем тогда, когда будем у власти. Ясно только одно, что нам нужно будет отступить, чтобы ослабить внутреннее положение и выравнять внешнее".

"Да, да, Юрий Леонидович, я знаю, что вы мало занимаетесь вопросами международной политики, но, поскольку вам придется, возможно, в дальнейшем продолжать то дело, которое мы сейчас делаем, надо, чтобы вы были осведомлены".

"Имейте в виду, что без необходимого соглашения с правительствами капиталистических держав против сталинского правительства к власти мы не придем. Нам необходимо заручиться благоприятным к себе отношением, а значит надо будет идти им на уступки. Но об этом надо уже заранее говорить конфиденциально с представителями этих правительств, что сейчас и делается. РАДЕК и СОКОЛЬНИКОВ вас осведомят более подробно".

Так оформился "запасный центр", который далее превратился в "параллельный", о чем я еще расскажу.

Несколько позже /насколько я припоминаю это было в начале 1933 года/ я встретился с РАДЕКОМ. При этом я выяснил, что РАДЕК знает о решении троцкистско-зиновьевского центра относительно создания "запасного центра" в составе меня - ПЯТАКОВА, РАДЕКА, СОКОЛЬНИКОВА и СЕРЕБРЯКОВА.

РАДЕК рассказал мне при этом, что МРАЧКОВСКИЙ недоволен большим перевесом зиновьевцев в центре и ставит вопрос о пополнении центра, причем речь шла обо мне, РАДЕКЕ и СЕРЕБРЯКОВЕ, с одной стороны, и СОКОЛЬНИКОВЕ, с другой. Он, РАДЕК, тоже думает, что надо это дело как-то исправить.

Обсудив этот вопрос, мы, т.е. РАДЕК и я, пришли к другому выводу. Поскольку решение о "запасном центре" состоялось, не стоит его колебать. Если мы будем настаивать на пересмотре решения и на пополнении центра нами, это, естественно, вызовет реакции со стороны зиновьевцев, в подполье могут образоваться опасные трения и ненужные споры.

Поэтому мысль о вхождении в центр была отброшена. Тем более, что и по соображениям конспирации было целесообразно иметь "запасный центр" на случай провала основного центра.

А так как в "запасном центре" преимущественное влияние было у троцкистов, то возникла мысль о превращении этого "запасного центра" в "параллельный центр".

Мы решили запросить по этим вопросам ТРОЦКОГО. РАДЕК взялся передать наш вопрос ТРОЦКОМУ и сделал это, насколько мне известно, через РОММА.

ТРОЦКИЙ ответил.

Со слов РАДЕКА, ответ ТРОЦКОГО сводился к тому, что создавать конфликт с зиновьевцами ни под каким видом нельзя, что блок с ними есть чрезвычайно существенный момент во всей борьбе против СТАЛИНА, и что этот блок должен быть сохранен во что бы то ни стало.

Однако, ТРОЦКИЙ считает наше предложение целесообразным и предложил, чтобы "запасный центр" уже сейчас практически приступил к работе.

Таким образом смутная идея о параллельной организации, высказанная еще в 1931 году И. Н. СМЕРНОВЫМ, получила в 1933 году свое оформление и была санкционирована ТРОЦКИМ.

Конечно, до ареста основного троцкистско-зиновьевского центра деятельность параллельного центра сводилась, главным образом, к организационно-подготовительным мероприятиям, точнее говоря к созданию связей, оформлению троцкистских групп, созданию там, где это возможно, троцкистских организаций.

В связи с этим, а также по соображениям осторожности, параллельный центр в полном составе ни разу не собирался.

Исходя из этих, санкционированных ТРОЦКИМ, установок я имел, как показывал раньше, встречу с СЕРЕБРЯКОВЫМ в Гаграх в конце 1933 года. Во время этой встречи я установил, что о "запасном

центре" и его составе СЕРЕБРЯКОВ знает, что мысль о превращении "запасного центра" в параллельный вполне разделяет. Я проинформировал СЕРЕБРЯКОВА подробно об установках ТРОЦКОГО, о которых он частично был уже осведомлен. СЕРЕБРЯКОВ сказал, что связи у него сохранились и он, соответственно общим решениям займется их активизацией.

У меня к этому времени тоже сложился ряд крепких организационных связей. Ряд связей были у РАДЕКА, у СОКОЛЬНИКОВА. Таким образом к началу 1934 года сложился не только параллельный центр, но и параллельная организация.

Разумеется эта организация по конспиративным соображениям строилась на основе личных связей. Таким образом связи, например, РАДЕКА или СЕРЕБРЯКОВА мне не передавались, как я не передавал свои связи РАДЕКУ или СЕРЕБРЯКОВУ. Делалось это по взаимному уговору.

Точно также связь между членами "параллельного центра" поддерживалась путем личного, да и то весьма редкого общения между ними, а не путем совместных совещаний. Тем более, что основные принципиальные установки давались ТРОЦКИМ. Нечего и говорить, что все директивы ТРОЦКОГО, независимо от большего или меньшего несогласия кого-либо из нас с той или иной директивой, принимались всеми нами к исполнению.

В первое время после ареста основного центра мы, из осторожности никакой активности не проявляли. С середины 1935 года мы, т. е. "параллельный" центр приступили к более активной работе, осуществляя то решение основного центра, которое было принято им еще в 1932г. об образовании "запасного центра".

Я имею при этом в виду не периферийную деятельность, которая сложилась и раньше, как я об этом уже показывал, а именно

деятельность самого центра. В этом отношении существенными моментами являются: 1/ встречи членов центра между собой; 2/ попытки собрать совещание центра; 3/ директивы ТРОЦКОГО.

На первых порах мы предполагали возможным ограничиться установлением системы отдельных встреч членов центра между собой. Так я дважды встречался в 1935 году с СОКОЛЬНИКОВЫМ, два или три раза с РАДЕКОМ, также с СЕРЕБРЯКОВЫМ, встречался далее с ТОМСКИМ, который формально, хотя и не являлся членом центра, но по существу дело шло к тому, что центр сложился с участием правых. Мне известно, что СОКОЛЬНИКОВ поддерживал связь с РАДЕКОМ и также встречался с ТОМСКИМ. Кажется были встречи РАДЕКА с СЕРЕБРЯКОВЫМ/ а из правых с БУХАРИНЫМ/.

Возникла мысль о созыве совещания центра вместе с ТОМСКИМ для выработки общей линии тактических действий.

Совещание это, как я уже показывал, не состоялось.

В виду этого единственным и основным руководящим материалом были те директивы, которые исходили от ТРОЦКОГО.

Именно эти директивы были, повторяю, единственным руководящим материалом, ибо каких-либо собственных разработанных положений центр не имел.

О директивах ТРОЦКОГО 1931/32г.г. я уже показывал.

В дальнейшем, вплоть до моей личной встречи с ТРОЦКИМ в декабре 1935 года, директивы его /кромешедших в адрес основного троцкистско-зиновьевского центра/ шли через РАДЕКА. Об этих директивах мне РАДЕК рассказывал в 1934, 1935 и начале 1936 годах.

Директивы ТРОЦКОГО "параллельному" центру.

Линия связи с ТРОЦКИМ находилась в руках РАДЕКА. Он посылал письменные информации ТРОЦКОМУ и лично получал от него директивы. Правда, в декабре 1935 года я имел личную встречу с ТРОЦКИМ, но об этом я расскажу ниже.

Мне трудно по памяти восстановить, в каких именно разговорах с РАДЕКОМ, последний сообщил мне о соответствующих директивах ТРОЦКОГО. Я помню существо этих директив, но не могу точно расчленить сообщения об этих директивах по отдельным разговорам с РАДЕКОМ.

Относительно террора директива, собственно говоря, больше не было. Были лишь требования скорейшего осуществления ранее данных директив. ТРОЦКИЙ выражал нетерпение по поводу медлительности и недостаточной активности.

Были далее повторные указания относительно необходимости активного проведения вредительства. ТРОЦКИЙ об"яснял это тем, что нужно воспитывать людей в непримиримой ненависти ко всему, что исходит от СТАЛИНА. Так как по этому вопросу и у РАДЕКА и у меня были колебания, и так как при разговорах с троцкистами не раз приходилось сталкиваться с недоумениями и даже, пожалуй, больше, с неодобрением, то именно по этому вопросу мы решили специально запросить ТРОЦКОГО.

РАДЕК послал такой запрос ТРОЦКОМУ и в начале 1936 года был получен ответ.

В этом ответе ТРОЦКИЙ со всею резкостью поставил вопрос: тот, кто не понимает, что практическое противодействие / поскольку я припоминаю слова "вредительство" не было, но по существу, разумеется, речь шла именно о вредительстве/ всем

мероприятиям СТАЛИНА есть необходимая и существенная составная часть всей борьбы со СТАЛИНЫМ в новых условиях, тот не понимает самих азов его, ТРОЦКОГО, политики.

Он указывал, что дело не только в количестве принесенного вреда, а в воспитании кадров и в подготовке их к более серьезным в соответствующий момент столкновениям с "режимом СТАЛИНА".

В этом вопросе, - писал ТРОЦКИЙ, - не должно быть никаких колебаний. Особенно это важно в связи с тем, что, как ему известно, практическая работа строительства многих увлекает, затягивает и размагничивает. Это свидетельствует, что люди часто не видят дальше своего носа, не видят завтрашнего дня, живут сегодняшними интересами, находятся под давлением сегодняшней обстановки. Он, ТРОЦКИЙ, обращает внимание на то, что рассматривает практическое противодействие мероприятиям СТАЛИНА не как один из маловажных приемов борьбы, от которого можно было бы и отказаться, а как важнейшую составную часть всей борьбы против "сталинского режима".

В этом вопросе не должно быть ни колебаний, ни сомнений.

Были до этого директивы по вопросу о предстоящей войне и межгосударственных отношениях.

Эти директивы показали, что те отрывочные указания, которые мне были переданы в 1931 году СМИРНОВЫМ и СЕДОВЫМ и о чем в 1932 году говорил мне КАМЕНЕВ, имели гораздо большее значение, чем я этому придавал в то время.

ТРОЦКИЙ указывал, что в борьбе со СТАЛИНЫМ никоим образом нельзя отвлекаться от междугосударственных отношений. Раз мы понимаем, что затея СТАЛИНА построить социализм в од-

ной стране - есть пустая и вредная затея, то и мы в нашей борьбе со СТАЛИНЫМ не должны скатываться на позиции "одной страны".

Борьба эта неминуемо вплетается в отношения с капиталистическими государствами. Было бы нелепостью думать, что можно прийти к власти не заручившись благоприятным отношением важнейших капиталистических правительств, особенно таких наиболее агрессивных, как нынешние правительства Германии и Японии. Совершенно необходимо уже сейчас иметь с этими правительствами контакт и договоренность. Он, ТРОЦКИЙ, в этом отношении предпринял необходимые шаги. Он требовал от РАДЕКА и СОКОЛЬНИКОВА, которые имели соответствующие возможности, нащупать здесь с официальными представителями держав необходимый контакт и поддержать то, что им, ТРОЦКИМ, практически проводится.

В этой связи, мне помнится, РАДЕК рассказывал мне о каких-то своих разговорах с немцами /фамилии этих немцев я припомнить не могу/, из коих было ясно, что у ТРОЦКОГО с немецким правительством уже что-то слажено.

Рассказывал и СОКОЛЬНИКОВ, что у него был разговор с японцами, кажется с ОТА, из которого тоже было ясно, что ТРОЦКИЙ вел переговоры с представителями японского правительства.

ТРОЦКИЙ писал далее, что нельзя ограничиваться только германским и японским правительствами. Надо заручиться благосклонным отношением и других правительств /как английское и французское/, в особенности под углом зрения возможности черезчур сильного давления со стороны немцев или японцев.

Разумеется надо считаться с тем, что в этом отношении надо будет идти на уступки, уступки как территориального, так и экономического характера.

Что касается войны, то и об этом ТРОЦКИЙ сообщал весьма отчетливо. Война, с его точки зрения, неизбежна в ближайшее же время. В этой войне неминуемо поражение "сталинского государства". Он, ТРОЦКИЙ, считает совершенно необходимым занять в этой войне отчетливо пораженческую позицию.

Поражение в войне означает крушение сталинского режима и именно поэтому ТРОЦКИЙ настаивал на создании ячеек в армии, на расширении связей среди командного состава. Он исходил из того, что поражение в войне создаст благоприятную обстановку и в армии для возвращения его, ТРОЦКОГО, к власти. Он считал, что приход к власти блока, безусловно может быть ускорен военным поражением.

ТРОЦКИЙ указывал при этом, что особенно, учитывая военное поражение, надо заранее договориться с соответствующими буржуазными правительствами / я не помню точно упоминались ли в этой связи только правительства Германии и Японии / . Ему представлялось, что он сможет одновременно договориться с противоположными группировками буржуазных государств и сманеврировать на их противоречиях. ТРОЦКИЙ понимал, что подать в голом и неприкрытом виде соглашение с Германией и Японией нельзя, и он дал поэтому план игры на противоречиях.

Если подвести итоги всем этим директивам, то станет совершенно очевидным, что ни о чем другом, как о сдаче на милость победителю, т. е. о полной капитуляции перед наступающим фашизмом в том предположении, что эти планы ТРОЦКОГО получили бы осуществление, разумеется, не могло быть и речи.

Кроме этого были еще директивы о Коминтерне. Я их плохо запомнил и сейчас вспоминаю смутно. Помнится, что речь шла об очень "левой" формулировке против единого фронта во Франции. К сожалению в памяти у меня эта часть директив ТРОЦКОГО не удержалась.

Все директивы, касающиеся межгосударственных дел были получены от ТРОЦКОГО в периоде 1934-1935г.г. Я изложил их так, как они остались у меня в памяти со слов РАДЕКА.

Должен сказать, что на меня эти директивы ТРОЦКОГО производили угнетающее действие. Мне хотелось повидаться с ТРОЦКИМ и выяснить более обстоятельно его взгляды. Я не допускал мысли, что он ошибается и считал, что я чего то недоучитываю. Да и при встречах с РАДЕКОМ и он, и я высказывались в том смысле, что совершенно необходимо повидаться с ТРОЦКИМ и что надо найти какую-либо для этого возможность.

Помнится, РАДЕК особенно напирал на странную позицию, занятую ТРОЦКИМ в международных вопросах и говорил, что надо эти вопросы как-то с ТРОЦКИМ обсудить. Более того, мы оба считали невозможным взять на себя ответственность и говорили, что быть может эти вопросы придется обсудить на совещаниях с наиболее видными и доверенными троцкистами.

Так или иначе, встречу с ТРОЦКИМ кого-либо из нас, мы оба считали совершенно необходимой.

Вот почему, как только представился случай, я несмотря на всю его рискованность, охотно им воспользовался, для того, чтобы встретиться с ТРОЦКИМ и с ним переговорить.

О моей личной встрече с ТРОЦКИМ.

Дело было так:

В декабре 1935 года по служебным делам я экстренно пое-

хал в Берлин.

Там, в нашем посольстве, я встретился с Дм.БУХАРЦЕВЫМ, о котором я раньше знал от РАДЕКА, что он - БУХАРЦЕВ, имеет связь с ТРОЦКИМ.

Я предполагал, что БУХАРЦЕВ поможет мне встретиться с ТРОЦКИМ.

Однако, из разговора с БУХАРЦЕВЫМ выяснилось, что он ранее знал о предстоящем моем приезде в Берлин/ в посольстве об этом было известно/ и сообщил об этом ТРОЦКОМУ. Последний потребовал личного свидания со мною.

Таким образом, хотя, по уговору с РАДЕКОМ я и сам намеревался встретиться с ТРОЦКИМ, последний после сообщения БУХАРЦЕВА о моем приезде, упредил мои конкретные в этом направлении шаги и сам организовал эту встречу.

Через несколько дней после моего разговора с БУХАРЦЕВЫМ, приехал посланец ТРОЦКОГО, с которым меня свел тот же БУХАРЦЕВ/Фамилию посланца - не знаю. Если не ошибаюсь, он назвался не то Густав, не то Генрих/, с коротенькой запиской от ТРОЦКОГО. В ней было всего несколько слов о том, что этому человеку можно вполне довериться и стояла надпись: "Ю.Л."

Записка подписана не была, но почерк ТРОЦКОГО мне достаточно хорошо известен..

Этот посланец взял на себя все технические заботы по отправке меня в Норвегию и я в его действия не вмешивался.

На следующий день рано утром я с ним вылетел на аэроплане. У него с собою был запасный паспорт, по которому я и ехал. Прибыли мы на аэродром под Осло. Оттуда на автомобиле проехали в дачное место, где я и встретился на частной квартире

с ТРОЦКИМ. Встреча продолжалась не более 2-х часов, а затем я вместе с этим Генрихом /или Густавом/ вернулся на аэродром, а оттуда в тот же день на том же самолете вылетел обратно в Берлин.

Разговор с ТРОЦКИМ начался с моей информации о положении в СССР и в троцкистской организации. Уже в этой части пришлось выслушать целую серию негодующих реплик насчет "малодушия", "примиренчества", "непонимания сущности вопросов" и т. п. Вызвано это было тем, что в своей информации я старался объективно рассказать ТРОЦКОМУ, что происходит на самом деле, ибо, мне казалось, недостаточная и неполная информация и привела его к некоторым неверным выводам. Однако, как показал дальнейший разговор, дело было не в недостаточной информации.

Особенно резкие реплики вызвали те части моей информации, в которых я излагал несомненные крупные успехи СССР в деле индустриализации и колхозного строительства. Не считаться с этими фактами, говорил я, нельзя. Надо не отмахиваться от них, а принять за исходные данные. "Преувеличиваете", "бюрократические увлечения", "Вы всегда страдали склонностью к т. н. "положительной работе" независимо от режима", "уклоняетесь от политики" и т. п. репликами ТРОЦКИЙ все время перебивал мое информационное сообщение.

Далее я рассказал ему, что его директива о вредительстве и диверсиях большей частью не встречает сочувствия в троцкистских кругах, да и я, в частности, как и РАДЕК, ее недостаточно понимаем, хотя по понятным соображениям - поскольку директива исходила от ТРОЦКОГО - ее проводили. Тут ТРОЦКИЙ разразился целым потоком самых злых и язвительных замечаний.

Он говорил, что мы никак не можем оторваться от сталинской пуповины, близоручко смотрим на вещи, захлестнуты психозом строительства и не видим дальше своего носа. Надо понимать, что речь идет не о том, будет или не будет построен тот или иной завод, будет ли существовать тот или иной колхоз и т.п., а речь идет о воспитании, пускай малочисленных, кадров троцкистов в ненависти ко всему тому, что сейчас делается в СССР.

"Я отлично понимаю - так, примерно сказал ТРОЦКИЙ, - что немногочисленные группы троцкистов в настоящий момент не могут существенно изменить ход хозяйственного развития. Да это, пожалуй, и не требуется.

Вы помните отношение марксистов к развитию капитализма в России. Мы все считали это прогрессивным фактом. Но одно дело позиция СТРУВЕ и ТУГАН-БАРАНОВСКОГО, звавших на службу к капитализму, а другое дело позиция ЛЕНИНА и революционной части социал-демократии, организовавшей будущего могильщика капитализма. Мы должны являться могильщиками сталинского государства.

Я не стану отрицать, что с точки зрения развития страны хорошо, что создаются новые заводы. Но задача троцкистов состоит не в том, чтобы строить заводы, а в том, чтобы организовать силы против СТАЛИНА и его режима, крах которого неизбежен. Для этого нужны кадры. Эти кадры неизбежно будут разлагаться - если они просто будут участвовать в положительной работе. В этом сущность директивы, а вы ее никак не можете понять.

Без проведения этой директивы неизбежно перерождение троцкистских кадров, неизбежна их ассимиляция сталинским ре-

жимом, а, значит, неизбежен и крах вместе с крахом сталинского государства".

Точно также крайнюю степень недовольствия выражал ТРОЦКИЙ во время сообщения о подготовляющихся террористических актах. "Все подготовки, да подготовки! Вы недостаточно серьезно относитесь к этому. Поймите, что без целой серии террористических актов, которые надо провести как можно скорее, нельзя свалить сталинское правительство. Ведь речь идет о государственном перевороте. Одно дело - сказал он - массовое восстание, для которого, повидимому, сейчас нет почвы, а другое дело государственный переворот".

"Вот этой разницы многие, как я замечаю, не усваивают. Им и невдомек, что методы государственного переворота существенно отличаются от методов организации массового восстания. Я сейчас стою именно на позиции государственного переворота и поэтому, при решении вопросов тактики, отказался от шаблонных установок, выработанных в других условиях, применительно к другим задачам. А вы там в СССР частенько сбиваетесь с ноги, находясь во власти шаблона, схемы, идей, выработанных применительно к другим условиям".

После окончания информации я задал ТРОЦКОМУ вопрос как он оценивает положение и как он себе представляет дальнейшее. "Неужто непонятно? Странно, странно! Кажется я давал достаточно указаний. Не вижу никаких оснований менять что бы то ни было в своих установках. Ваша информация только подтверждает мою правоту. И если надо из нее сделать какой-либо вывод, то только один: надо борьбу еще более обострить, еще более расширить, надо буквально не останавливаться ни перед

чем, чтобы свалить СТАЛИНА, свалить этот режим. Ясно, что если в ближайшее время нам не удастся тем или иным способом произвести государственный переворот, то наступит затяжной период, годы уродливого существования сталинского государства, опирающегося на хозяйственные успехи, на новые, политически неискующие молодые кадры, считающие этот режим естественным, само-собой разумеющимся".

Я настаивал на необходимости краткого изложения им, ТРОЦКИМ, своих взглядов. ТРОЦКИЙ, подумав, предупредил, что он: 1/ не может в столь краткий срок /в моем распоряжении было очень немного времени/ полно изложить все, что он думает, и 2/ что не все, что он будет говорить следует сообщать его сторонникам в СССР. Он напомнил тут снова о разнице между подготовкой государственного переворота и массового восстания и что в этой связи многое, о чем он будет говорить, отнюдь не должно стать не только достоянием гласности /поэтому я не должен удивляться, что многое расходится с тем, что говорится в его "Бюллетенях"/, но и не должно быть известно широким кругам его сторонников в СССР.

Из дальнейшего изложения нашего разговора видно, что, по-видимому, и мне ТРОЦКИЙ сказал далеко не все коренные выводы, которые он делает исходя из точки зрения, т. н. "государственного переворота".

"Корень вопроса заключается в том - сказал ТРОЦКИЙ, - что социализм в одной стране построить нельзя. Все потуги в сталинском государстве /кстати, ТРОЦКИЙ избегает говорить "СССР" "Советский Союз", "советское государство", а говорит "сталинское государство" /обречены на крах. Этот крах неизбежен,

если во время не сманеврировать. Гибель сталинского государства, если она произойдет стихийно, под давлением непосильного экономического бремени индустриализации и коллективизации, с одной стороны, и военного столкновения с вновь крепнущим капитализмом, с другой стороны, неизбежно похоронит и нас, если мы дадим отождествить себя хотя бы в малейшей степени с этим государством. Самая резкая демаркационная линия должна быть проведена между нами и всем тем, что связано со СТАЛИНЫМ и его государством".

"Однако, делать это надо не путем публичных выступлений, пропаганды и раз"яснений. Такие выступления в данный момент не встретили бы в массах сочувствия. Наоборот, мы были бы скомпрометированы и уничтожены прежде, чем могли бы что бы то ни было сделать. Строить организацию на этой основе нельзя. Это означало бы преждевременно погубить ее. Ведь массы находятся под психозом строительства, которое ими ложно воспринимается как строительство социализма. Выступать сейчас открыто против этого строительства - значит погубить дело".

"Надо видеть завтрашний день. Демаркационная линия должна проводиться, поэтому, тайной борьбой против сталинского режима с тем, чтобы в соответствующий момент мы могли - когда это потребуется - выступить открыто и сказать, что мы это не сталинское государство, мы вели против него борьбу всеми доступными нам средствами, вплоть до террора, диверсий и вредительства".

"В этом, - несколько раз возвращался к этой теме ТРОЦКИЙ - существо всей моей политики. Вот почему я всегда и неизменно самым резким образом отклонял какое бы то ни было положитель

ное участие моих сторонников в СССР в практической работе, вот почему я всегда выражал неудовольствие, когда мне сообщали, что вы, тем не менее, продолжаете сотрудничать со сталинским правительством. Это - абсолютно нетерпимо".

"Значит первое и главное, это непримиримая борьба со СТАЛИНЫМ и его государством. В этой борьбе должно применять все, самые острые методы подготовки государственного переворота и, в первую очередь, террор, диверсии и вредительство. На этой основе надо воспитывать кадры, а не на основе гнилого соглашательства, примиренчества и потакательства, тенденции к которым мне приходится замечать у своих сторонников, живущих в сталинском государстве".

Если, однако, все дело сведется к принципиальной болтовне, то никакие кадры на этом не сложатся. Поэтому, прежде всего, нужны дела. Нужны террористические акты. Нужны диверсии. Нужно практическое вредительство".

"Особенно важно, - подчеркивал ТРОЦКИЙ, - иметь связи в Красной армии. Военное столкновение с капиталистическими государствами неизбежно. Я не сомневаюсь, что исход такого столкновения будет неблагоприятен для сталинского государства. Мы должны быть готовы в этот момент взять власть в свои руки".

"Разумеется, - подчеркнул ТРОЦКИЙ, - надо понимать, что взятие власти в этих условиях будет неизбежно означать соглашение с соответствующими капиталистическими государствами /например с Германией, Японией и др./ на основе существенных уступок им - вплоть до территориальных".

"Конечно, договариваться с одной Германией было бы рискованно, т. к. без соответствующего английского и французского

противовеса она положила бы ноги на стол и нам пришлось бы очень туго". Поэтому в своих практических шагах он - ТРОЦКИЙ, ведет одновременную подготовительную работу в разных направлениях.

Что касается Германии, то тут дело по существу слажено:

Он - ТРОЦКИЙ, заручился благоприятным отношением германского фашистского правительства на случай прихода блока к власти.

Разумеется это благоприятное отношение вызвано не какими-либо особыми симпатиями к блоку, а вызвалось реальными интересами.

В основе соглашения лежит обещание германского правительства помочь блоку прийти к власти. Со своей стороны ТРОЦКИЙ обязался в случае прихода к власти сделать в отношении Германии вполне конкретные, заранее обусловленные уступки.

По словам ТРОЦКОГО /все ли он мне сказал, утверждать не берусь/, он был вынужден пойти на следующие уступки:

1. Гарантировать общее благоприятное отношение к германскому правительству и необходимое сотрудничество с ним в важнейших вопросах международного характера.

2. Согласиться на территориальные уступки.

3. В случае, если "национальные силы" Украины захотят отделиться от СССР - не противодействовать этому.

4. Допустить германских предпринимателей в форме концессии /или других каких-либо формах/ к эксплуатации таких предприятий в СССР, которые являются необходимым экономическим дополнением к хозяйству Германии /речь шла о железной руде, марганце, нефти, золоте, лесе и т.п./.

5. Создать в СССР условия, благоприятные для деятельности германских частных предприятий.

При этом немцы не возражали против допущения на известных условиях концессионных предприятий английских и французских.

Эти основы соглашения, как рассказывал ТРОЦКИЙ, были окончательно разработаны и приняты при встрече ТРОЦКОГО с заместителем ГИТЛЕРА - ГЕССОМ.

Далее ТРОЦКИЙ передавал, что одновременно ему удалось установить деловые связи с руководящими людьми Великобритании и Франции.

Точно также у него имеется вполне налаженная связь с японским правительством.

При этом ТРОЦКИЙ упомянул, что последние переговоры с немцами шли в присутствии англичан и французов.

Во Франции связь имелась с "Комите де Форж" и банковскими кругами. В Англии с какими то консервативными кругами.

"Если, - говорил ТРОЦКИЙ, - диверсионная, вредительская и террористическая деятельность приобретет такие размеры, что сталинское руководство будет дезорганизовано до военного столкновения, тем лучше, мы придем к власти и так поправим политику, что использовав договоренность с капиталистическими государствами, резко ослабим хозяйственное напряжение внутри страны".

"Это значит надо будет отступать. Это надо твердо понять. Отступать к капитализму. Насколько далеко, в каком размере сейчас трудно сказать - конкретизировать это можно будет только после прихода к власти".

"Вы видите - продолжал ТРОЦКИЙ - в этом пункте об отступлении мы сошлись с правыми и моя директива о блоке с правыми

была не только тактически необходимой, но и принципиально правильной, тем более, что они полностью признали необходимость террористических, диверсионных и вредительских средств борьбы против СТАЛИНА".

"А мне известно, что у вас там начали дискуссировать по вопросу о том, как далеко можно провести это об"единение".

"Пусть на первых порах это будет "контакт" - ведь начали же мы в 1926 году с контакта с зиновьевцами, а пришли к об"единенной организации /хотя и с фракционными подразделениями/ - я думаю в дальнейшем об"единение будет более тесным. Для меня совершенно очевидно, что в будущем правительстве обязательно должны принять самое активное участие не только мои сторонники и зиновьевцы, но и правые".

В заключение ТРОЦКИЙ еще раз осыпал нас, работающих в "сталинском государстве", целым градом упреков за недостаточную активность, пустые разговоры, отсутствие конкретных террористических актов и т.п. Он подчеркивал, что арест ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА и др. не только не должен ослабить работу, а, наоборот, должен - как он выразился - "во стократ повысить вашу энергию".

"Помните, в этой борьбе все средства хороши и всякий союзник полезен. Тут нечего церемониться и жить старыми воспоминаниями".

Должен добавить, что из отдельных лиц в ходе этого разговора разбросанно ТРОЦКИМ упоминались: РАДЕК, СОКОЛЬНИКОВ, СЕРЕБРЯКОВ, МУРАЛОВ, БЕЛОБОРОДОВ, РАКОВСКИЙ, Будучи МДИВАНИ, В. М. СМЕРНОВ, САПРОНОВ, БУХАРИН, РЫКОВ, ТОМСКИЙ, УТЛАНОВ, ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, ПУТНА, ПРИМАКОВ, КРЕСТИНСКИЙ.

По поводу этих лиц были следующие разговоры: о первых троих говорить нечего. О МУРАЛОВЕ ТРОЦКИЙ выразил свое удовольствие, что он один из немногих ни на минуту не сдавал позиции и активно работает. С БЕЛОБОРОДОВЫМ ТРОЦКИЙ настоятельно требовал держать тесную связь. О РАКОВСКОМ и ПРЕОБРАЖЕНСКОМ он сказал, что обязательно надо с ними поговорить и подтолкнуть их в работе.

О Б.МДИВАНИ сказал, что ему известно, что он развернул работу в Закавказье.

Насчет В.СМИРНОВА и САПРОНОВА ТРОЦКИЙ отзывался в высшей степени хвалебно и высказывал мысль о необходимости устроить им побег, "ибо они - твердые и решительные люди".

О ПУТНА и ПРИМАКОВЕ говорил, что это очень ценная связь и ее надо всячески укреплять и развивать.

ТРОЦКИЙ просил выяснить в какой мере можно рассчитывать на КРЕСТИНСКОГО.

С БУХАРИНЫМ, РЫКОВЫМ и ТОМСКИМ он требовал не ослаблять тесных организационных связей и жалел, что нет в Москве УГЛАНОВА, который "отличается практичностью и большими организаторскими талантами".

На этом мое свидание с ТРОЦКИМ закончилось.

По приезде в Москву я вскоре встретился с РАДЕКОМ и подробно рассказал ему о своем разговоре с ТРОЦКИМ. Было это в январе 1936 года. К этому времени и РАДЕК получил ответ ТРОЦКОГО, который, повидимому, был писан до моей встречи с ТРОЦКИМ.

х х

х

- 34 -

Я постарался записать все, что я вспомнил о позорной и преступной деятельности троцкистского параллельного центра. Возможно, что не все мною изложено достаточно отчетливо.

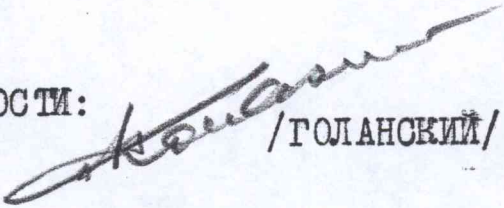
Нечего говорить, что если у Вас возникнут какие-либо вопросы по этому заявлению, то все необходимые раз"яснения мною следствию будут даны.

ПЯТАКОВ.

19-20 декабря 1936 года.

В Е Р Н О:

СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР УРО ГУГБ
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ:

/ГОЛАНСКИЙ/